

Давыдов А. Ю. Рецензия на монографию Е. Д. Твердюковой «Государственное регулирование внутренней торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ» (Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 328 с.) / А. Ю. Давыдов // Научный диалог. — 2015. — № 5 (41). — С. 114—127.

УДК 94(47).084(049.32)

**Рецензия на монографию
Е. Д. Твердюковой
«Государственное регулирование
внутренней торговли в СССР
(конец 1920-х – середина 1950-х гг.):
историко-правовой анализ»
(Санкт-Петербург: Филологический
факультет СПбГУ, 2011. 328 с.)**

© Давыдов Александр Юрьевич (2015), доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург), davydov.au@mail.ru.

Предлагается рецензия на изданную в 2011 году монографию Е. Д. Твердюковой «Государственное регулирование внутренней торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ». Указано, что в рецензируемой книге уделяется внимание эволюции процессов государственного регулирования внутренней торговли. Утверждается, что сегодня в России происходит повышение роли государства в управлении экономикой, поэтому обращение к отечественному опыту государственного регулирования сферы снабжения и потребления имеет особую значимость. Подчеркивается отсутствие обобщающих работ, анализирующих в целом государственную политику в сфере торговли в названный период. Сообщается, что автор монографии характеризует комплекс соответствующих мер управленческого, нормативно-правово-

го, уголовно- процессуального, административного свойства. Новизна рецензируемого исследования видится в его междисциплинарном характере. Указано, что в монографии предлагается классификация видов правонарушений, которые приобрели большой масштаб несмотря на провозглашенную неприкосновенность социалистической собственности. Сообщается, что многие страницы книги посвящены методам борьбы государственных органов с нарушениями в сфере торговли, мерам искоренения хищений, спекуляции, обмана потребителей, контрабанды, а также частного предпринимательства. Отмечены разделы монографии, представляющие особый интерес для автора рецензии, а именно главы, посвященные негосударственной торговле, явлению «мешочничества».

Ключевые слова: государственное регулирование; торговля; нормированное снабжение; денежная реформа; мешочничество; продовольственные карточки; борьба с хищениями; спекуляция.

Петербургский историк, доктор исторических наук Е. Твердюкова в своей монографии обращается к отечественному опыту одной из важнейших сфер социально-экономической эволюции — к сфере снабжения и потребления. В первую очередь Елена Дмитриевна исследует осуществляемый властями комплекс мер, введенных в условиях государственной монополии в торговом обороте. В то же время она справедливо отмечает, что эта монополия всеобъемлющей так и не стала.

Обозначенный период (конец 1920-х — середина 1950-х гг.) историк характеризует как единый этап, в течение которого практически без изменений сохранялась политическая и экономическая система СССР. При этом отсутствуют обобщающие работы, анализирующие в целом государственную политику в сфере торговли в названный период. Большинство авторов обходит стороной принципиальный вопрос соотношения правотворчества и правоприменения. Не до конца выявлено влияние жестких мер уголовной репрессии на экономическую преступность. Ликвидировать эти пробелы — такую задачу ставила перед собой автор [Твердюкова, 2011, с. 28]. Для ее решения привлекаются многочисленные и самые разнообразные докумен-

тальные материалы. При этом ставится серьезная историографическая и источниковедческая проблема. Дело в следующем. В 1990-е гг. российская историография приобрела выраженный «разоблачительный» характер. По мнению ряда историков, в сталинском обществе возобладала всеобъемлющая атмосфера беззакония. Результатом стало «полное выведение всей правоохранительной системы из конституционного правового поля» [Там же, с. 32]. Отсюда вытекало и признание полной ущербности документов органов юстиции и прокуратуры. Е. Твердюкова аргументирует другой тезис: судебные материалы в целом позволяют реконструировать политику власти в отношении поддержания правовых и нравственных норм в обществе. Она полагает, что «не следует преувеличивать масштабы фальсификации уголовных дел по хозяйственным и должностным преступлениям» [Там же, с. 32]. В итоге источниковая база исследования значительно расширяется.

Е. Д. Твердюкова на первых порах сосредоточилась на изучении эволюции торгового дела в СССР в период «великого перелома». «Социалистической реконструкции» подвергались все структуры общественной жизни, в частности внутренняя торговля. К исходу 1920-х гг. немалую хозяйственную нагрузку по-прежнему несла частная коммерция. Автор отмечает факты, указывающие на ее высокую эффективность в конце 1920-х гг. Между тем наступили времена, когда идеологический диктат начинал целиком преобладать над экономической целесообразностью. Политические руководители не могли не осознавать, что, развертывая фронтальное наступление на предпринимателей, они встали на рискованный путь; посему проявляли непоследовательность при выработке решений. С одной стороны, февральский пленум ЦК ВКП (б) (1927 г.) предостерегал против преждевременного вытеснения частника с рынка, с другой стороны, коллегия Наркомторга СССР в том же феврале выработала меры по радикальному усилению администрирования в отношении частного капитала [Там же, с. 42—43].

Сформулированный в центре меседж на местах приобрел форму «антибуржуйской» атаки. Никто уже не принимал во внимание, что оптовая и розничная торговля (дополнявшие друг друга частные, государственные и кооперативные структуры) — это прежде всего сложная система. Ее разрушили в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Автор монографии подробно освещает процесс развертывания массовых кампаний арестов заготовителей и торговцев. Проводились обыски и реквизиции. Е. Твердюкова рисует такую картину: «Изымалось домашнее имущество, ценности, мебель, белье, словом, все, что находилось в момент обысков в квартирах, вплоть до кастрюль, из которых выливался суп» [Там же, с. 45]. Определяя место подобных акций в правоприменительной практике, автор монографии отмечает: «Борьба с «хищниками, расхитителями, спекулянтами» стала приоритетной в деятельности органов правопорядка» [Там же, с. 185]. Частная торговля оказалась полем острой классовой борьбы.

Темы, которые Е. Твердюкова поднимает в своей книге, очень близки автору данной рецензии. Он нередко затрагивал их в своих работах, в основном применительно к несколько более раннему времени — началу XX века, периодам гражданской войны и нэпа. Поэтому позволим себе небольшой экскурс: на различных этапах советской истории общество несло серьезные потери из-за отрицания властью негосударственной торговли. Автор этой рецензии долгое время занимался исследованием отечественной дореволюционной кооперации (торгово-потребительской в первую очередь), опубликовал ряд работ. В итоге он пришел к выводу о том, что к началу XX века в России сформировался многогранный торговый механизм. В частности, предприниматели умели договориться с крестьянами и их объединениями о поставках зерна, доставить его в неиспорченном состоянии на станции, складировать во временно освобождавшихся элеваторах, соблюсти график прибытия вагонов, вовремя загрузить их, не допустить порчи товара дождем и т. д. [Давыдов, 1993, с. 138—144; Давыдов, 1996, с. 34—40]. Все это было под силу инициативным и мо-

тивированным организаторам, привыкшим действовать в условиях конкурентного хозяйства. Рыночная экономика в целом плодотворно проявляла себя и в условиях нэпа [Давыдов, 2011]. Ее разгром имел крайне отрицательные последствия для сельского населения и для городских потребителей, для будущего страны.

В результате закрытия лавок образовывались так называемые *торговые пустыни*. Людям приходилось долгое время проводить в изнурительных очередях перед дверями немногочисленных кооперативных магазинов. К резкому ухудшению городского снабжения привело и разрушение хлебного рынка. В итоге ставка стала делаться на нормированное распределение, которое официально установили, введя в феврале 1929 года повсеместно систему карточек [Твердюкова, 2011, с. 55]. Был сделан окончательный, притом стратегический выбор, рассчитанный на долгие годы. В дальнейшем раз за разом карточки вводили и отменяли, но это мало что изменяло в централизованной монополизированной системе распределения «дефицита». Власть открыла ящик Пандоры, и бесчисленные беды вырвались наружу. С самого начала так называемые *заборные книжки* (по ним забирали распределяемые начальством продукты) стали предметом массовых спекуляций, подделок, купли-продажи [Там же, с. 56—58]. Бесчисленные злоупотребления с «кооперативными книжками» (их распределением занимались потребительские общества, теперь уже имевшие мало сходства с самодеятельными кооперативами) породили великое множество контрольных проверок, арестов, судебных преследований. Раздавались предложения широко применить к городским расхитителям Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года [Там же, с. 152]. Между тем в городах данный «драконовский» закон почти не применялся; в этом усматривается исключительная антикрестьянская направленность «закона о трех (иногда говорили — пяти. — А. Д.) колосках». В итоге проблему злоупотреблений в сфере торговли, которая в основном была городской, стали решать совсем уж далеким от законности способом: по делам о хи-

нениях карточек к подсудимым применяли статью 58-7 Уголовного кодекса («подрыв экономики в контрреволюционных целях»). В данном обстоятельстве можно обнаружить проявление «большого террора» в сфере торговли. Карательная машина всю работала, но толку было мало. Товаров население получало все меньше. Е. Д. Твердюкова справедливо указывает на распространение недовольства среди обывателей, направлявших в адрес руководителей страны многочисленные предложения о восстановлении частной торговли [Там же, с. 54].

В книге приведен обширный фактологический материал, дающий отчетливое представление о том, как поэтапно в 1934 году осуществлялась отмена карточек и каковы были последствия этого. «Эра свободной торговли» оказалась сугубой фикцией. Автор правильно отмечает, что государственная торговля второй половины 1930-х гг. оставалась централизованным распределением и по-прежнему сопровождалась бюрократической процедурой планирования [Там же, с. 67]. Торгующие организации объявлялись хозрасчетными. Однако они не могли повлиять на промышленность и аграрное производство, на распределение и доставку продукции, а значит — на ассортимент, сезонность и регулярность поставок. Простые граждане становились в очереди за продуктами с вечера или поздней ночью. В это время обнаружались признаки регионального размежевания страны по критерию наличия или отсутствия острого товарного дефицита. Крупнейшие промышленные центры снабжались по «ударным» нормам. Елена Дмитриевна Твердюкова подчеркивает, что последние годы перед Великой Отечественной войной остались «в памяти многих ленинградцев как одни из самых спокойных в плане обеспеченности продуктами, а проблемы связывались только с советско-финской войной» [Там же, с. 71—72]. Вместе с тем крайний недостаток провизии и промышленных изделий в большинстве регионов попытались снова преодолеть путем стихийного возрождения карточной системы и создания закрытых учреждений торговли. Исследователь обнару-

живает причину отказа Политбюро санкционировать введение карточек так. «Это, — пишет она, — означало бы для руководства страны фактическое признание несостоятельности своей экономической политики» [Там же, с. 73]. Доказательством такой несостоятельности стали выстраивавшиеся перед крупными московскими магазинами колоссальные очереди из приезжавших в столицу жителей других регионов (прежде всего колхозников); очереди у ЦУМа собирали до 20 тыс. человек [Там же, с. 193].

Особое место в рецензируемом труде отведено перестройке управления торговлей в годы Великой Отечественной войны. В этот раз переход к нормированному снабжению населения и карточной системе отличали серьезные особенности. Е. Твердюкова отметила примечательные черты советской распределительной системы в рассматриваемый период. И дело вовсе не в том, что население поделили на четыре потребительские категории и в регионах ввели до 171 вида талонов и карточек. Оказывается, Советский Союз был единственной страной, сохранившей в условиях нормированного снабжения свободную продажу продуктов на рынках самими производителями. Деятельность многочисленных колхозных рынков отчасти содействовала ограничению черного рынка. Примечательно, что в июне 1942 года управления железных дорог получили указание во всех местных пригородных поездах, курсировавших на расстоянии 100—150 км, выделять один вагон специально для проезда колхозников, везущих продукты в город. В это время личное крестьянское хозяйство значительно расширилось (в том числе за счет освоения пустовавших общественных угодий). Колхозные рынки совершенно не отвечали своему названию и изначальному предназначению, они представляли собой места для торговли отдельных крестьян своими продуктами. В розничном товарообороте страны удельный вес колхозной торговли составлял 46 % в 1945 году против 16 % в 1940 году [Там же, с. 81]. Послабления для крестьян, создававшие некое подобие свободной торговли, в конечном счете привели к уменьшению

(по сравнению с 1930-ми гг.) злоупотреблений со стороны чиновников и торговых служащих, воровства, хищений, растрат.

Вместе с тем нормированное распределение и личное подсобное хозяйство не могли обеспечить снабжение продовольствием всей огромной воюющей страны. Елена Дмитриевна обращает внимание на очередной этап в развитии мешочнического движения. Он наметился в 1939 году, когда правительство запретило продажу муки и печеного хлеба в сельской местности. Мешочничество приобрело тогда своеобразный противоестественный характер в связи с тем, что крестьяне отправились в города за хлебом [Там же, с. 72]. В военный период мешочничество значительно распространилось, однако теперь сотни тысяч горожан стали искать продукты в деревне. Этот раздел книги представляет исключительный интерес для автора рецензии. Он был первым «мешочниковедом» в новейшей историографии; затем опубликовал множество работ по истории нелегального самоснабжения, в первую очередь применительно к этапу гражданской войны в России [Давыдов, 1994, с. 41—54; Давыдов, 2013, с. 14—37]. При обобщении многочисленных фактов, приведенных Е. Твердюковой, обнаруживается очевидное сходство между мешочничеством 1917—1921 гг. и 1941—1945 гг. Совпадают тенденции эволюции, виды мешочничества, методы адаптации нелегальных снабженцев к суровой повседневности, формы борьбы государства с ними. Показательно, например, что в октябре 1942 года (как и в 1918 году) власть установила норму провоза пассажирами продовольственных товаров — не более 16 кг. Также выставлялись «заслоны» (заградительные отряды) против мешочников. Точно так же последним удавалось разными путями преодолевать их противодействие. [Твердюкова, 2011, с. 86, 87]. Безусловно, опыт гражданской войны непосредственно учитывался государственными органами. В то же время ясно, что в условиях необъятной страны формы приспособления народа к деформациям хрупкой распределительной системы в экстремальные периоды оставались примерно одинаковыми. Массы простых людей

отправлялись в кочевья в поисках продуктов для себя, своих близких. В перспективе все это, конечно, укрепляло специфическое «кочевое» самосознание соотечественников. В дальнейшем «кочевания» начнут повторяться; имеются в виду «целинная эпопея» и (в неизмеримо большем масштабе) миграции 1990-х гг. Как правило, «кочевья» оказывались теснейшим образом связанными с народным самоснабжением, которое в свою очередь становилось конкурентом и дополнением официальной торговли.

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для советской внутренней торговли, которая, можно сказать, оказалась в разбитом состоянии. Е. Д. Твердюкова приводит поразительные факты. К середине 1945 года сохранилось менее 1/6 розничных предприятий [Там же, с. 104]. Восстановление происходило крайне медленно. В первые послевоенные годы, когда военно-мобилизационный подъем остался в прошлом, произошел резкий скачок преступности в сфере торговли, поэтому вовсе не случайно был принят драконовский Указ 4 июня 1947 года об ужесточении наказаний за хищения государственного имущества [Там же, с. 173]. К тому же были введены серьезные ограничения колхозной торговли после того, как на совещании в Москве в апреле 1947 года секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов заявил, что ее развитие, кроме вреда, ничего не принесет. Думается, Андрей Александрович оторвался от действительности. А действительность была такова: немногочисленные магазины не справлялись с нагрузкой, да и трудовая мотивация их сотрудников была невысока. Автор рецензируемой монографии приводит парадоксальные факты: при остром дефиците большое количество продукции месяцами лежало на складах и до потребителя не доходило. В послевоенной торговой сети образовывались буквально залежи товаров. Из-за небрежного хранения очень многое портилось. Автор формулирует следующий вывод: «Проблема послевоенного недоснабжения не может сводиться к нехватке производства товаров, она во многом обуславливалась и организационными дефектами

торговли» [Там же, с. 106—107]. Еще раз убеждаемся, что болезненные проблемы советских общества и государства нередко выступали следствием недооценки места и роли торгового дела, пренебрежительным отношением к нему, его зарегулированностью и бюрократизацией. Нередко именно из-за всего перечисленного в первую очередь страдала вся общественная система. Забегая далеко вперед по лестнице времени, поставим вопрос: а не была бы другой судьба советского государства, добейся оно справедливого и регионально-равномерного распределения товаров и услуг?

Изъяны торговли дали себя знать в полной мере во время денежной реформы декабря 1947 года и проводимой в то же время ответственной кампании по отмене карточек. Они в немалой степени затруднили организацию жизненно важных хозяйственных преобразований. Автором монографии выявляются новые обстоятельства, серьезно повлиявшие на осуществление мероприятий декабря 1947 года. Получается, что информация о подготовке реформы и о ее сроках распространилась настолько широко, что ни о какой тайне говорить не приходилось. Многочисленные злоупотребления в торговле и колоссальный покупательский ажиотаж становились неизбежными [Там же, с. 118, 122]. В конце 1947 г. — начале 1948 г. по причине ограниченности торговой сети обычным явлением стали огромные очереди с давкой, обмороками, воровством и пр.

Ответственность за недостатки проведения реформы и отмены карточек возложили на министра торговли А. В. Любимова, бессленно занимавшего свой пост с довоенных лет. Отчасти это успокоило общественное мнение. Вместе с тем конфискационная денежная реформа декабря 1947 года частично обеспечила промышленность инвестициями. Иначе говоря, она создала некоторые предпосылки для оздоровления экономики за счет общего понижения жизненного уровня. И торговля сразу на это отреагировала. В монографии обнаруживаем сведения о том, что в 1948 году товарооборот в ценах соответствующих лет существенно снизился [Там же, с. 129]. Ав-

тор монографии обращается к актуальной теме регулярного снижения цен в сталинские годы и приходит к следующему. Ссылаясь на очевидца, она называет «медвежьей услугой населению» снижение цен на изделия, которые тотчас же исчезали из продажи. Кроме того, качество этих товаров неизменно ухудшалось, поскольку промышленность была вынуждена экономить именно на качестве [Там же, с. 133]. В целом «государственная благотворительность» носила демагогический характер. Торговля по-прежнему подвергалась реорганизациям экспериментаторского свойства, становилась площадкой для осуществления спонтанных управленческих решений. Выживать городским покупателям советских магазинов было непросто (не говорим уже о большинстве населения — крестьянах), почти вся зарплата шла на покупку еды.

Лишь к началу 1950-х гг. стало выравниваться соотношение между продаваемыми населению продовольственными и промышленными товарами, материальное благосостояние населения несколько улучшилось [Там же, с. 131]. В целом завершилось восстановление разрушенной войной экономики, в том числе торговли. Именно в это время (а не раньше, по справедливому суждению некоторых историков) произошло превращение советской страны из аграрной в индустриальную [Орлов, 2007, с. 134]. В итоге советская торговля значительно цивилизовалась, стала работать с гораздо меньшим числом нареканий со стороны трудящихся, и это притом, что в середине 1950-х гг. серьезно смягчилось уголовное законодательство в отношении правонарушителей в сфере торговли [Там же, с. 181].

Многие страницы монографии посвящены подробному описанию того, какие огромные усилия прилагались советскими правоохранителями в целях искоренения хищений, спекуляции, обмана потребителей, контрабанды и частного предпринимательства. Может быть, автор несколько переусердствовал по части выявления деталей и мелочей при таком описании. Впрочем, факты в книге приведены интересные. Обстоятельно описаны продолжавшиеся десятилетиями

увлекательные и в то же время рискованные игры в кошки-мышки между бесчисленными правоохранителями и миллионами «расхитителей». В итоге автор приходит к выводу о крайне низкой эффективности масштабной борьбы советских органов с такими явлениями, как спекуляция и хищения, поскольку predetermined суровыми обстоятельствами нарастание народного самоснабжения административным или уголовным путем остановить было невозможно [Там же, с. 223].

Таким образом, государственное регулирование внутренней торговли в СССР в сталинский период сводилось главным образом к осуществлению комплекса самых многообразных мероприятий по части пресечения растрат, хищений, спекуляции, обмана покупателей. Между тем основательное изучение монографии Елены Дмитриевны Твердюковой позволяет укрепиться в одной важной мысли. Не репрессии и наказания, а самоотверженный труд большинства граждан и расширение товарных запасов выступили гарантами частичного окультуривания торгового дела в изучаемый период советской истории.

Литература

1. *Давыдов А. Ю.* Князь-кооператор А. И. Васильчиков / А. Ю. Давыдов // Вопросы истории. — 1993. — № 8. — С. 138—144.
2. *Давыдов А. Ю.* Кооператоры советского города в годы нэпа : между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией» / А. Ю. Давыдов. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. — 212 с.
3. *Давыдов А. Ю.* Мешочничество и советская продовольственная диктатура. 1918—1922 годы / А. Ю. Давыдов // Вопросы истории. — 1994. — № 3. — С. 41—54.
4. *Давыдов А. Ю.* Проигранная война «красных»: нелегальная экономика 1917—1920 гг. / А. Ю. Давыдов // Вопросы истории. — 2013. — № 11. — С. 14—37.
5. *Давыдов А. Ю.* Свободная кооперация в России (до октября 1917 г.) / А. Ю. Давыдов // Вопросы истории. — 1996. — № 1. — С. 24—41.
6. *Орлов И. Б.* Сталинизм и индустриальный «рывок»: основные тенденции советской и постсоветской историографии / И. Б. Орлов // Истори-

ография сталинизма : сборник статей / под ред. Н. А. Симония. — Москва : РОССПЭН, 2007. — С. 108—137.

7. *Твердюкова Е. Д.* Государственное регулирование внутренней торговли в СССР (конец 1920-х — середина 1950-х гг.) : историко-правовой анализ / Е. Д. Твердюкова. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 328 с.

**Review of Book by E. D. Tverdyukova
“State Regulation of Domestic Trade in USSR
(End of 1920s–Middle of 1950s):
Historical and Juridical Analysis”
(Saint Petersburg: Saint Petersburg State
University Philological Faculty, 2011. 328 p.)**

© **Davydov Aleksandr Yuryevich (2015)**, Doctor of History, professor, Department of Russian History, A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg), davydov.au@mail.ru.

The review of the monograph by E. D. Tverdyukova “State Regulation of Domestic Trade in USSR (End of 1920s – Middle of 1950s): Historical and Juridical Analysis” published in 2011 is proposed. It is pointed out that the book under review focuses on the evolution of the processes of state regulation of domestic trade. It is stated that in Russia today the role of the state in managing the economy is increasing, so the appeal to the national experience of the state regulation of supply and consumption is of particular significance. The lack of generalising works that examine the overall state policy in trade sphere in the named period is highlighted. It is reported that the book’s author describes the complex of measures of administrative, legal, criminal procedure and administrative properties. The novelty of the peer-reviewed research is seen in its interdisciplinary character. It is noted that the monograph proposed classification of offenses that have acquired a large scale despite proclaimed inviolability of socialist property. It is reported that many pages of the book are devoted to how to combat violations of state bodies in the sphere of trade, measures to eradicate theft, speculation, consumer fraud and smuggling, as well as entrepreneurship. The sections of the monograph of particular interest to the review’s author are marked, namely

the chapters on non-state trade and the phenomenon of private speculation.

Key words: government regulation; trade; rationing; currency reform; private speculation; ration cards; anti-theft; speculation.

References

- Davydov, A. Yu. 1993. Knyaz'-kooperator A. I. Vasil'chikov. *Voprosy istorii*, 8: 138—144. (In Russ.).
- Davydov, A. Yu. 2011. *Kooperatory sovetskogo goroda v gody nepsa: mezhdru «voennym kommunizmom» i sotsialisticheskoy rekonstruksii». Sankt-Peterburg: Aleteyya. (In Russ.).*
- Davydov, A. Yu. 1994. Meshochnichestvo i sovetskaya prodovol'stvennaya diktatura. 1918—1922 gody. *Voprosy istorii*, 3: 41—54. (In Russ.).
- Davydov, A. Yu. 2013. Proigrannaya vojna «krasnykh»: nelegal'naya ekonomika 1917—1920 gg. *Voprosy istorii*, 11: 14—37. (In Russ.).
- Davydov, A. Yu. 1996. Svobodnaya kooperatsiya v Rossii (do oktyabrya 1917 g.). *Voprosy istorii*, 1: 24—41. (In Russ.).
- Orlov, I. B. 2007. Stalinizm i industrial'nyy «ryvok»: osnovnye tendentsii sovetskoy i postsovetskoy istoriografii. *Istoriografiya stalinizma: sbornik statey*. Moskva: ROSSPEN. 108—137. (In Russ.).
- Tverdyukova, E. D. 2011. *Gosudarstvennoe regulirovanie vnutrenney trgovli v SSSR (konets 1920-kh — seredina 1950-kh gg.): istoriko-pravovoy analiz*. Sankt-Peterburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU. (In Russ.).